
Упразднение наместничества на Кавказе в 1881–1882 гг.

Михаил Волхонский

Abolition of the governorship in the Caucasus in 1881–1882

Mikhail Volkhonskiy

(Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia)

DOI: 10.7868/S0869568718030147

С середины 1860-х гг. главной целью правительственной политики на Кавказе признавалось «слияние края с общим организмом государства». Очередным шагом в этом направлении стало осуществлённое в 1881–1883 гг. преобразование системы управления, начавшееся с упразднения поста наместника. За последующие 20 лет регион значительно приблизился в экономическом, социальном и административном отношениях к укладу внутренних губерний Российской империи. Однако восстановление наместничества в 1905 г., в условиях тяжёлого кризиса, разразившегося в период Первой русской революции, фактически являлось признанием неэффективности созданной при Александре III организации местной власти и её несоответствия заметно усложнившейся в начале 1900-х гг. ситуации¹.

Но что же привело к её возникновению и чем руководствовались те, кто готовил и принимал соответствующие решения в 1881–1882 гг.? Ответить на эти вопросы тем более важно, поскольку, как ни странно, обстоятельства упразднения Александром III наместничества на Кавказе до сих пор ни разу не рассматривались ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

В конце 1870-х гг. и в Петербурге, и в Тифлисе выражали недовольство положением дел на Кавказе. Так, направляя 8 октября 1878 г. председателю Комитета министров свой отзыв о давно ожидавшемся строительстве железных дорог, соединяющих Закавказье с Россией, наместник вел. кн. Михаил Николаевич с грустью писал «о незначительности результатов, достигнутых относительно развития и упрочения экономического и духовного единения здешнего края с Россией»². Перечислив реформы, осуществлённые кавказской администрацией, великий князь отмечал: «Все эти и многие другие подобные им меры, направленные к улучшению гражданского быта населения, не могли, конечно, не отразиться на нём благоприятно... Но собственно в политическом отношении, т.е. в смысле установления духовной и экономической связи Кавказа с Россией, в смысле водворения здесь не одной только русской правительственной власти, но и русского национального влияния, достигнутые результаты, нельзя не сознаться, представляются недостаточно удовлетворительными и, во всяком случае, несоответствующими ни продолжительности времени нашего обладания Кавказом, ни размеру принесённых Россией на него жертв». По мнению наместника, «наша деятельность на Кавказе была до сих пор чисто официальная,

---

© 2018 г. М.А. Волхонский

¹ См.: *Волхонский М.А.* Первая русская революция и восстановление наместничества на Кавказе // Кавказский сборник. № 3(35). М., 2006. С. 87–106.

² РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 291, л. 8 об.

правительственная. Русский народный элемент в ней не участвует. Источник его силы слишком удалён от Кавказа для того, чтобы он мог проникнуть сюда, не смотря на существующие препятствия». Соответственно, «для того, чтобы изменить такие неблагоприятные условия политического положения нашего на Кавказе, необходимо возможно скорее устранить причины, разъединяющие Кавказ с Россией, и направить сюда, особенно в Закавказье, приток русских сил, русской народной деятельности». Поэтому собственно и «необходима немедленная постройка железных дорог, связующих Закавказье с Россией»³.

Сразу же после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Тифлисе приступили к разработке новой программы. В начале 1879 г. вел. кн. Михаил Николаевич представил Александру II записку с анализом причин безуспешности усилий кавказской администрации «в смысле цивилизационного действия на туземные населения», и указанием мер, «при помощи которых можно скорее и действительнее достигнуть более широкого гражданского преуспеяния края и прочного слияния его с империей»⁴. В этом документе, составленном начальником Главного управления наместничества по гражданской части генерал-лейтенантом Д.С. Старосельским, «главнейшим препятствием к окончательному умиротворению Кавказа и успешном ходу гражданского его развития» признавалось «вооружённое состояние кавказских мусульман». При этом непредсказуемые последствия «общего обезоруживания мусульманских народностей» вызывали у местной администрации вполне обоснованные опасения и заставляли стремиться «так сказать, к нравственному обезоруживанию враждебных... кавказских народностей», разумеется, наряду с «возможно бóльшим запрещением ношения и вообще употребления оружия» горцами. Как писал Старосельский, «принятая в этом отношении система состояла в том, чтобы постепенным распространением между горцами и другими кавказскими племенами гражданственности и цивилизации ослабить их фанатизм и воинственность, смягчить их нравы, приучить к мирным занятиям». Изменение социально-экономических условий жизни населения должно было постепенно примирить его с русской властью и, в частности, новыми фискальными и судебными институтами. Однако, как признавалось в записке, при «безусловной верности этой системы», её существенный недостаток состоял в медленности перемен, «происходящей от трудности самой задачи, требующей борьбы с тупым фанатизмом и упорным своеволием, от сравнительно слабых цивилизационных сил России для действия на отдалённых окраинах и от влияния внешних событий мусульманского мира на внутреннее состояние Кавказа»⁵.

Так или иначе, в Тифлисе не сомневались, что «государственный интерес по отношению к Кавказу более чем когда-либо настоятельно требует возможно более широкого развития и энергического применения к здешним народностям тех органических цивилизационных мер, которые признаются наиболее действительными для поднятия уровня гражданского преуспеяния Кавказского края в смысле возможно скорейшего нравственного слияния его с Россией». «Наиболее настоятельными из этих мер, – говорилось в записке, – в настоящее время представляются: 1) Сближение Кавказа с Россией устройством непрерывных железных путей и проложение таких же путей и вообще улучшение сообщений

³ Там же, л. 8 об.–9.

⁴ Там же, л. 1.

⁵ Там же, л. 6–7 об. Подробнее см.: *Гатагова Л.С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия 1860–1917 гг. М., 2016. С. 165–194.

по самому краю, в видах развития и упрочения в нём русского национального влияния и удовлетворения потребностей собственного его экономического преуспеяния. 2) Сколь возможно большее расширение и упрочение способов народного образования между кавказскими туземными народностями. 3) Расширение способов к скорейшему и удовлетворительнейшему устройству населения в поземельном отношении. 4) Улучшение личного состава и характера деятельности низшей администрации в крае»⁶.

Всё это требовало дополнительных расходов, тогда как финансы империи были расстроены недавней войной⁷. Поэтому в марте 1879 г. Александр II оставил на записке резолюцию: «Прочесть в Кавказском комитете, в присутствии генерал-лейтенанта Старосельского с тем, чтобы указать, какие из возбуждённых вопросов можно разрешить теперь же и что придётся отложить»⁸. Предвидя возражения со стороны министра финансов и государственного контролёра, Старосельский на заседании Кавказского комитета 13 марта 1879 г. сразу же после прочтения записки великого князя заявил: «Его высочество считает себя обязанным стараться сколь возможно достигать того, чтобы осуществление частных предположений, которые будут засим проектированы в развитие общих начал, могло быть совершаемо с помощью одних местных денежных средств края. Но так как средства сии не всегда могут оказываться достаточными..., то государь великий князь наместник желал бы получить право, в сих исключительных и, разумеется, редких случаях, рассчитывать на возможность помощи из общих средств государственного казначейства». Вместе с тем, «если Кавказу будет оказана эта поддержка, то край скорее будет поставлен в условия, благоприятные для развития его собственных производительных сил, и тем скорее может наступить то время, когда Кавказский край будет в состоянии, прямыми выгодами, вознаградить государство за жертвы, которые оно для него до сих пор приносило». Поскольку к тому времени строительство железных дорог уже было предпринято Высочайше утверждённым положением Комитета министров, вел. кн. Михаил Николаевич просил выделить ассигнования только на развитие народного образования и, в частности, на расширение Закавказской учительской семинарии до 100 (вместо прежних 25) учеников⁹.

Сами по себе идеи, изложенные в записке, не вызывали особых сомнений у членов Кавказского комитета, который, как отмечалось в журнале заседания, «совершенно разделяет мнение кавказского начальства о несомненной пользе для края и туземного населения всех этих мер и признаёт, что проведение их в действие желательно в возможно скорейшем времени». Мысль о «неудобстве обезоруживания» горцев была одобрена военным министром гр. Д.А. Милютиным, а у министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого нашли поддержку слова о том, что учреждение инородческих учительских семинарий «представляет единственное и самое надёжное средство для начального образования туземцев на Кавказе и открытие таких семинарий желательно как возможно скорее». Способы поземельного устройства и улучшения состава и материального

⁶ РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 291, л. 8.

⁷ См.: *Степанов В.Л.* Цена победы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // *Российская история.* 2015. № 6. С. 99–119.

⁸ РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 291, л. 6.

⁹ Там же, л. 1–2.

обеспечения местной администрации были оставлены «на ближайшее усмотрение кавказского начальства»¹⁰.

Однако выделять дополнительные ассигнования в Петербурге были не готовы. Председатель Департамента государственной экономии А.А. Абаза указал на то, что ввиду предоставления с 1858 г. в распоряжение наместника местных доходов, «едва ли удобно даже возбуждать вопрос об отнесении каких-либо новых расходов в крае на общие государственные доходы»¹¹. Поэтому все задуманные преобразования следует соразмерять с теми средствами, которые уже имеются в распоряжении наместника. Министр финансов С.А. Грейг напомнил, что кавказскому начальству «в отношении военного бюджета и некоторых других потребностей оказываются уже значительные пособия из общих государственных доходов». Между тем, утверждал он, «потребности государства так велики, что имеющиеся у казны средства оказываются недостаточными для их удовлетворения, и это вызвало и вызовет ещё необходимость в установлении новых налогов, бремя коих ложится на все классы русского народа», а при таких обстоятельствах «невозможно относить какие-либо сверхсметные расходы по Закавказскому краю на средства государственного казначейства». Утешить великого князя должно было то, что ресурсы региона постепенно увеличивались, а Кавказ, где собиралось 7,9 млн руб. в год, не участвовал в общих расходах империи¹². Как выразился государственный контролёр Д.М. Сольский, «развитие окраин государства вообще может быть успешно и прочно, если будет идти в соответствии с общим развитием государства, а посему при настоящем тяжёлом финансовом положении... кавказскому начальству необходимо всемерно заботиться о том, чтобы текущие расходы местного гражданского управления покрывались местными средствами». Неудивительно, что, согласно заключению Кавказского комитета, наместнику предлагалось самому изыскать финансирование реформ, а особые кредиты из государственного казначейства допускались только «в случаях крайней и неотложной необходимости, и притом, когда кредиты эти не будут составлять значительных сумм»¹³.

Таким образом, в конце 1870-х гг. в правительственных сферах, рассуждая о кавказских делах, заботились преимущественно о том, чтобы избежать дальнейшего увеличения издержек казны. К административной обособленности окраин в Петербурге уже 1860–1870-х гг. относились с подозрением, поскольку она нарушала целостность управления империей и к тому же была слишком сложной, практически неконтролируемой и дорогостоящей¹⁴. Так, по свидетельству управлявшего делами Комитета министров А.Н. Куломзина, в правящих кругах все видели, что в Кавказском комитете «за спиной дряхлых председателей» в угоду наместнику «постоянно делались всевозможные злоупотребления и прикрывался наглый произвол, включительно до взяток»¹⁵.

Характерно, что уже 16 марта 1879 г. (т.е. через три дня после обсуждения записки великого князя) председатель Особой высшей комиссии по изысканию

¹⁰ Там же, л. 2–3 об.

¹¹ Там же, л. 3 об. О соответствующем законе, утверждённом 22 ноября 1858 г., подробнее см.: *Правилова Е.А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006. С. 115–117.

¹² РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 291, л. 4.

¹³ Там же, л. 4 об.–5.

¹⁴ *Ремнёв А.В.* Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010. С. 281–282.

¹⁵ Там же. С. 289.

средств к сокращению государственных расходов А.А. Абаза во всеподданнейшем докладе испрашивал разрешение рассмотреть вопрос об упразднении Кавказского комитета, на канцелярию которого выделялось 27 537 руб., в то время как почти все подобные коллегиальные учреждения давно передали свои дела Комитету министров и Государственному совету, «без значительного усиления расходов канцелярий Государственной и Комитета министров и с пользой для единства управления»¹⁶.

При этом Абаза и его коллеги учитывали опыт Особого совещания, уже обсуждавшего в 1864 г. целесообразность существования Кавказского комитета. Тогда наместник вел. кн. Михаил Николаевич и поддержавшие его статс-секретари барон А.П. Николаи и В.П. Бутков доказывали, что «внесение кавказских дел непосредственно в высшие учреждения империи было бы неудобно по затруднительности и медленности предварительных сношений наместника кавказского с подлежащими министерствами». Не возражая по существу против упразднения комитета, они настаивали на том, «чтобы в С.-Петербурге находилось особое лицо, которое бы докладывало его величеству дела, поступающие от наместника кавказского, производило бы по ним сношения, вносило бы их в подлежащие учреждения и присутствовало бы в высших учреждениях при их рассмотрении с правом голоса». Со своей стороны, кн. П.П. Гагарин, председательствовавший в то время в Государственном совете и Комитете министров, предлагал при передаче функций сохранить «в отношении производства дел кавказских существовавший порядок, с перенесением лишь обязанностей председателя Кавказского комитета на председателя Комитета министров». Оба предложения являлись по сути паллиативными, поэтому Александр II, судя по резолюции, оставленной им 17 июля 1865 г., решил ничего не менять, но поручить ведение заседаний председателю Комитета министров, а все законопроекты, касающиеся наместничества, передать в Государственный совет. С этого времени различные категории дел (законодательные, сметные, по устройству быта крестьян и др.) постепенно стали изыматься из Кавказского комитета и передаваться в иные учреждения¹⁷.

Особых задержек при их рассмотрении общим порядком в течение 14 лет не возникало, что и констатировали в 1879 г. Абаза и его сотрудники. «Тот же опыт доказывает, — отмечали они, — что направление некоторых дел, помимо Кавказского комитета, через посредство отдельных министров несколько не колеблет значение власти наместника кавказского. Если же канцелярия Кавказского комитета и служит передаточной инстанцией для кавказских дел, то едва ли можно видеть в этом существенную пользу для края, ограждение власти наместника или причину к более быстрому движению дел. Между тем обособленность производства кавказских дел оказывает неизбежно влияние и на обособленность всего края, вред коей признан вполне и наместником кавказским. Его императорское высочество, в последних своих предположениях по делам кавказского наместничества, неоднократно изволил высказывать убеждение в необходимости теснейшего слияния вверенного его высочеству края с другими частями империи. Одним из существеннейших к тому средств представляло бы более полное, чем ныне, объединение его управления с общим управлением империи»¹⁸.

¹⁶ РГИА, ф. 1214, оп. 1, д. 8, л. 1.

¹⁷ Там же, л. 2 об.—3 об.; См. также: *Лисицина Г.Г.* Кавказский комитет — высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845—1882) // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 163.

¹⁸ РГИА, ф. 1214, оп. 1, д. 8, л. 4 об.—5.

По мнению членов Особой комиссии, следовало упразднить Кавказский комитет и его канцелярию, передав их архив в Комитет министров, а все дела, превышающие полномочия наместника (за исключением годовых отчётов и тех докладов, которые он сочтёт необходимым представить непосредственно императору), вносить «общеустановленным для министров и главноуправляющих отдельными частями порядком в высшие учреждения империи» и рассматривать наряду с прочими. Чтобы ускорить их решение, наместник имел право сообщать необходимые сведения в Петербург. Всеподданнейшие доклады он подавал бы лично, если находился «в месте пребывания его императорского величества», или через министров. В случае возникновения разногласий спорный вопрос выносился бы на обсуждение Комитета министров. Чтобы контролировать центральные ведомства, кавказское начальство имело право направлять управляющему делами Комитета министров «периодические третные ведомости» с перечнем дел, находящихся в производстве, а также докладывать императору о тех из них, которые не получили своевременного завершения¹⁹.

Эти рекомендации, изложенные в записке комиссии 5 июня 1879 г., подверглись жёсткой критике со стороны вел. кн. Михаила Николаевича. «С точки зрения пользы дела и преуспевания вверенного мне края, — категорически заявил он в ответном письме Абазе 3 апреля 1880 г., — я считаю председателя Кавказского комитета и самый Кавказский комитет с его канцелярией с обширными и ценными для Кавказа архивом и с составом опытных чиновников его канцелярии — учреждением вполне незаменимым для Закавказья и предвижу весьма многие затруднения при рассеянии его дел по разным ведомствам и учреждениям, и весьма чувствительную для дел вверенного мне края медленность, когда дела эти будут поступать к докладу в очередь с сотнями и тысячами дел империи, сосредоточенных в тех же учреждениях, где будут производится дела Закавказья»²⁰.

Наместник снова настаивал на том, что ему необходимо иметь своего представителя в столице. «По 5-му пункту проектированного в записке Особой высшей комиссии, — писал великий князь, — говорится только о ведомостях (третных), сообщаемых Главным управлением наместника Кавказского управляющему делам Комитета министров и о представлении сим последним ведомостей неоконченных дел на Высочайшее благоусмотрение. По-видимому, этим и исчерпывается вся деятельность и заботливость управляющего делами Комитета министров по делам, мною представляемым, кроме обычного движения их в учреждении Комитета министров. Но деятельность управляющего делами Кавказского комитета совершенно другая по отношению к делам, мною представляемым в Кавказский комитет. Весьма часто встречается вследствие разных причин, что необходимо собрать сведения и ходатайствовать в министерствах и высших учреждениях о скорейших ответах по делам кавказским, которые ждут только этих ответов, чтобы получить движение, или которые могут быть разрешены лишь с получением известных сведений, находящихся в разных высших учреждениях... Со введением нового порядка производства дел я не вижу того органа, который бы заменил канцелярию Кавказского комитета с управляющим делами оною, а я считаю эту часть деятельности необходимой для успешного управления Закавказьем»²¹.

¹⁹ Там же, л. 5 об.—6.

²⁰ Там же, л. 20—21.

²¹ Там же, л. 23—24.

Но больше всего вел. кн. Михаила Николаевича возмущал предложенный комиссией порядок обращения к монарху. «Я нахожу, — сообщал он Абазе, — что заключение об изменении производства дел в крайнем и нежелательном случае уничтожения Кавказского комитета и его канцелярии могли бы быть допущены, кроме пункта 3-го, в котором говорится о представлении моих всеподданнейших докладов государю императору министрами каждым по его ведомству, в то время, когда я лично не нахожусь в резиденции е[го] в[еличества], т.е. в продолжении большей части года... Будучи облечён правами министров, по званию наместника кавказского, я полагал, что этот порядок не совместен ни с моим положением наместника, ни с пользой для края... Если бы против моего мнения решено было уничтожить Кавказский комитет, то я могу согласиться только, чтобы обязанности доклада государю императору кавказских дел лежали исключительно на председателе Комитета министров... Я полагаю необходимым, чтобы при председателе Комитета министров учреждены были должности особых чиновников для ведания, ведения и доклада кавказских дел»²².

Таким образом, выяснилось, что ни упразднить Кавказский комитет, ни подчинить администрацию края общеимперским правилам взаимодействия с центральными и высшими учреждениями невозможно без сокращения полномочий наместника. И пока эту должность занимал великий князь, находившийся в постоянном неформальном общении с императором, все попытки изменить ситуацию были обречены на провал. Между тем уже осенью 1880 г. появились слухи о том, что вел. кн. Михаил Николаевич заменит своего брата вел. кн. Константина Николаевича во главе Государственного совета. Так, государственный секретарь Е.А. Перетц оставил в своём «дневнике» запись, датированную 17 октября 1880 г.: «В газетах появляются также заметки о том, будто бы предстоит упразднение кавказского наместничества, причём великий князь Михаил Николаевич будет назначен председателем Государственного совета. Это уже решительный поход против Константина Николаевича»²³.

Однако сам вел. кн. Михаил Николаевич в конце 1880 г. явно не собирался покидать Кавказ. Наоборот, его сотрудники готовили программу преобразований в крае. Кн. Л.И. Меликов и Д.С. Старосельский в 1880 г. совершали инспекционные поездки по Закавказью. «Ген.-ад. кн. Меликов только что вернулся из совершённого по моему поручению объезда Батумской области, — извещал наместник императора 19 ноября 1880 г. — Общие его впечатления не дурны, хотя трудов и работ предстоит там ещё много; на первом плане стоит вопрос дорожный, который необходимо окончить сколь возможно быстрее, что вполне будет зависеть от тех денежных средств, которые на оные будут отпускаться; затем вопрос по прекращению грабежей и разбоев, что нелегко будет достигнуть, ибо это издавна составляло любимое ремесло местных жителей... Ген.-л. Старосельский объезжает теперь Черноморский округ, продолжающий бедствовать от бездорожья, а часть оно, потерпевшая от войны, ещё никак не может оправиться»²⁴. Сам вел. кн. Михаил Николаевич первую половину 1880 г. провёл в Петербурге, занимаясь кавказскими делами и подготовкой Ахалтекинской экспедиции²⁵. В переписке великого князя с императором во второй половине 1880 г. говорилось исключительно о рутинной административной работе. Беспокойство вызывали только действия М.Д. Скобелева

²² Там же, л. 24 об.—26 об.

²³ Дневник Е.А. Перетца (1880—1883). М., 1927. С. 7.

²⁴ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 808, л. 116.

²⁵ Милютин Д.А. Дневник. 1879—1881 гг. М., 2010. С. 162.

и отправка военного отряда к Нахичевани из-за волнений, начавшихся среди курдов в Персии. В остальном же, как шаблонно выражался великий князь, «по краю и армии всё благополучно и ничего особенного не случилось»²⁶.

Обстановка изменилось после гибели 1 марта 1881 г. Александра II и вступления на трон Александра III, который испытывал личную неприязнь к «дяде Косте» и хотел как можно быстрее убрать его с занимаемых постов. Решение сделать вел. кн. Михаила Николаевича председателем Государственного совета окончательно созрело к началу апреля. Ещё в конце марта в среде высшей петербургской бюрократии толковали о возможности назначения на этот пост гр. Милютину²⁷. Но уже 2 апреля великий князь, записав в памятной книжке про свой «доклад у Саши», отметил: «Объявил, что желает, дабы я остался здесь, и назначить председат[елем] Государ[ственного] совета!!! Простились... Крайне будет грустно расстаться с Кавказом»²⁸. А 8 апреля гр. П.А. Валуев записал в дневнике: «Вчера в Комитете министров слышал от Абазы, что великий князь Михаил будет председателем Государственного совета и кавказское наместничество преобразится в генерал-губернаторство»²⁹. Утром в тот же день вел. кн. Михаил Николаевич «под секретом» сказал Милютину, «что на днях Государь совершенно неожиданно объявил ему о своём намерении удержать его в Петербурге и, вместе с тем, поручил ему по совещании со мною, с бароном Николаи и графом Лорис-Меликовым сообразить, какое дать управление Кавказу на будущее время». «При этом, — записал в дневнике военный министр, — великий князь заявил разные предположения, подлежащие обсуждению, и, между прочим, странную мысль о разделении Кавказа на северный и южный, с подчинением северного общему положению о русских губерниях... После довольно продолжительного разговора великий князь сказал, что назначит совещание на неделю»³⁰.

В ГА РФ сохранилась безымянная недатированная записка, в которой кратко очерчен круг проблем, обсуждавшихся в апреле 1881 г. полуформальным совещанием, созданным по распоряжению Александра III под председательством вел. кн. Михаила Николаевича. По сути, она является ключом к пониманию смысла административных преобразований, предпринятых на Кавказе в 1881—1883 гг. В ней с самого начала утверждалось, что «главная цель правительства в отношении к окраинным владениям империи постоянно заключалась в постепенном слиянии их с общим организмом государства». Соответственно, прежде всего ставился вопрос: «При каких форме и характере управления Кавказом цель эта может быть достигнута скорее и действительнее, т.е. а) должен ли Кавказ в настоящем целом своём составе продолжать жить особой административной жизнью с отличным от коренных частей империи устройством центрального управления или же б) слияние Кавказа с Россией может быть достигнуто более действительным образом при некотором изменении нынешней организации высшего местного управления и при выделении из административного состава Кавказа с непосредственным подчинением министерствам тех из частей, которые по географическим, экономическим и преобладающим этнографическим условиям и теперь уже находятся в близком общении с внутренними областями государства?» Явно риторически звучал вопрос: «Можно ли ожидать скорого единения

²⁶ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 808, л. 97–97 об., 101, 111 об., 120 об.

²⁷ Милютин Д.А. Дневник... С. 302; Дневник Е.А. Перетца... С. 58.

²⁸ ГА РФ, ф. 649, оп. 1, д. 54, л. 33.

²⁹ Граф П.А. Валуев. Дневник 1877–1884. Пг., 1919. С. 160.

³⁰ Милютин Д.А. Дневник... С. 305–306.

с Россией тех кавказских народностей, которые продолжают управляться на особых от соседнего населения началах, поддерживающих замкнутость народной жизни, или же распространение на эти народности одинакового с прочими частями края административного строя, с некоторыми, быть может, небольшими отступлениями способно оказать более решительное влияние на изменение их характера и на сближение их с гражданской жизнью остального населения?»³¹.

Не забыл составитель записки и о финансовой стороне дела. Так, по его мнению, «при установлении взглядов на характер и формы, как центрального, так и частных местных управлений Кавказа, представлялось бы полезным выяснить: по каким именно административным отделам края и в каких планах управления эти могли бы быть упрощены с сокращением издержек на их содержание?» Тут же следовало решить судьбу Кавказского комитета: «Необходимо ли как при сохранении нынешней системы управления Кавказом, так и в случае преобразования его, существование особого высшего государственного учреждения, для заведывания кавказскими делами, или же, в видах однообразия в направлении их, дела эти могли бы восходить на Высочайшее воззрение обыкновенным порядком через подлежащих министров или через общие государственные учреждения?»³². Одновременно предполагалось рассмотреть организацию военного управления и возможность «выделения некоторых административных частей Кавказа из нынешнего состава наместничества»³³.

8 апреля вел. кн. Михаил Николаевич отметил в памятной книжке: «С 2 — 1/2 4 у меня совещание о будущем управлении Кавказом»³⁴. Его повестка фактически соответствовала поставленным в анонимной записке вопросам. Как записал в дневнике Милютин, «вчера у великого князя Михаила Николаевича было совещание, о котором предварял он меня при последнем свидании, именно по вопросу о том, не следует ли разделить Кавказское наместничество, и Кавказский военный округ на две отдельные части, а если будет признано необходимым оставить и наместничество, и округ в настоящих пределах, то следует ли сохранить звание и права наместника, или же можно привести гражданское управление на Кавказе в более скромные рамки?» Сам военный министр «по какому-то недоразумению... не попал на это совещание». «Оказывается, — отмечал он со слов П.П. Павлова, — что в нём участвовали: граф Лорис-Меликов, барон Николаи, граф Валуев, член Государственного совета Старицкий и генерал Павлов. Все участвовавшие в совещании высказались против раздвоения Кавказа. Что же касается до наместничества, то, по-видимому, не пришли ни к какому категорическому разрешению вопроса; но большинство клонило к тому, чтобы в случае отмены самого звания “наместника” предоставить, однако же, главному начальнику края значительно большие права, чем генерал-губернаторские»³⁵.

Итог первого заседания решил подвести гр. П.А. Валуев. «Ваше императорское высочество, — писал он вечером того же дня великому князю, — всегда изволили быть так снисходительны и благосклонны ко мне, что я решил представить на Ваше благоусмотрение предлагаемую памятную записку. В ней заключается беглый набросок, составленный на память, без всякой справки; но в этом наброске повторяется изложение мнений, доложенных Вашему высочеству сегодня

³¹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 517, л. 1–2.

³² Там же, л. 2–2 об.

³³ Там же, л. 3.

³⁴ Там же, ф. 649, оп. 1, д. 54, с. 35.

³⁵ Милютин Д.А. Дневник... С. 306–307.

утром, а изложение на бумаге всегда даёт мнениям более определённую и для поверочной критики более удобную форму»³⁶.

Именно в составленной Валуевым записке впервые встречается новое название должности главного начальника края — «главноначальствующий по гражданской части на Кавказе». Члены совещания явно желали предоставить ему большую часть прежних полномочий наместника. В то же время в записке был намечен новый порядок взаимодействия главноначальствующего с Петербургом. Так, в частности, указывалось, что «по ведомствам министерства финансов, народного просвещения, государственных имуществ и путей сообщения местные учреждения подчиняются непосредственно ведению означенных министерств по всем текущим делам администрации, на основании особых правил, обеспечивающих главноначальствующему получение всех ему нужных сведений» (п. 10). Кроме того, предусматривалось, что «по всем законодательным вопросам все министры обязаны сноситься с главноначальствующим о доставлении с его стороны предварительных соображений и заключений» (п. 13), «такие же предварительные сношения производятся и по важнейшим мерам административного или распорядительного свойства» (п. 14), а «все назначения по губернскому и областному управлению требуют предварительного соглашения с главноначальствующим» (п. 15)³⁷.

Записка Валуева, видимо, легла в основу дальнейшей работы. 11 апреля, побывав у императора в Гатчине, великий князь, судя по памятной книжке, «говорил ему о Кавказе»³⁸. Военный министр 25 апреля утверждал в дневнике, что «великий князь Михаил Николаевич вместе с бар. А.П. Николаи и ген.-л. П.П. Павловым продолжает сочинять проект нового управления на Кавказе; наместника полагается обратиться к главноначальствующему и поставить его наравне с генерал-губернаторами»³⁹. Однако в памятной книжке вел. кн. Михаила Николаевича его занятия или хотя бы встречи с Николаи и Павловым 9–19 апреля не зафиксированы, тогда как обычно в ней перечислялись все посетители и собеседники⁴⁰. Тем не менее к 19 апреля была составлена новая редакция проекта, которую великий князь направил на рассмотрение членов совещания⁴¹. Как выразился в своём отзыве, представленном 24 апреля, член Государственного совета Е.П. Старицкий: «Сущность новых предположений заключается в том, что с упразднением звания наместника Кавказского управление всем Кавказом, за исключением Ставропольской губернии, как в гражданском, так и военном отношении, вверяется главноначальствующему, коему сохраняется достаточно власти и средств, чтобы иметь возможность содействовать развитию благосостояния и удовлетворения потребностей края, с полным знанием местных условий и согласно с общими интересами государства»⁴².

³⁶ РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 321, л. 2 об.—3.

³⁷ Там же, л. 4—4 об.

³⁸ ГА РФ, ф. 649, оп. 1, д. 54, с. 36.

³⁹ Милютин Д.А. Дневник... С. 315.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 649, оп. 1, д. 54, с. 35–38.

⁴¹ Об этой новой редакции Валуев упоминает в письме, отправленном вел. кн. Михаилу Николаевичу 19 апреля: РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 321, л. 2. Судя по запискам в памятной книжке, в тот же день великий князь был у Милютина и «занимался... с Лорисом» (ГА РФ, ф. 649, оп. 1, д. 54, с. 39). Милютин упомянул в дневнике 19 апреля: «Утром заехал ко мне великий князь Михаил Николаевич. Говорили о кавказских делах и результате бывшего у него на прошлой неделе совещания, по которому он будет иметь на днях доклад у Государя» (Милютин Д.А. Дневник... С. 310).

⁴² РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 321, л. 11.

Судя по упоминанию о Ставропольской губ., члены совещания серьёзно обсуждали удивившую Милютина 6 апреля «странную мысль о разделении Кавказа на северный и южный». Впрочем, в правительственных сферах в 1881 г. циркулировали и более оригинальные идеи. Например, в фонде гр. Н.П. Игнатьева отложилась датированная 1 сентября 1881 г. записка, в которой предлагалось разделить Кавказ на западную и восточную части. «Если только отбросить предвзятую мысль, что Кавказ природой разделён на север и юг, — рассуждал её автор, — и что поэтому другого деления в административном смысле теперь быть не может., то вопрос о делении разрешается сам собой, вторя движению и группировке народов, которые поделились на две группы: западную, или черноморскую, и восточную, или каспийскую. Первая более подходит к арийской, а вторая к тюркской расе... Одинаково эти же группы, западная и восточная, в смысле духовного проявления отличаются друг от друга: сунниты и шииты всегда были врагами, хотя и соседями. Первые находят правительственную поддержку в Турции, а вторые в Персии, и в силу этих начал и противоположных направлений Кавказ по южной своей границе делится надвое: отдел турецкий, или черноморский, и персидский, или каспийский... И в экономическом смысле Кавказ по долинам Кубани, Риона, Терека и Куры очень различен»⁴³.

25 апреля состоялось второе (и последнее) заседание у вел. кн. Михаила Николаевича, в котором участвовали Валуев, Лорис-Меликов, Милютин, Николай и Старицкий. По словам военного министра, «большая часть времени прошла в прениях между графом Валуевым, бароном Николаи и Старицким о второстепенных подробностях будущей организации главного управления»⁴⁴; только Лорис-Меликов вывел разговор на более широкую дорогу; он поднял вопрос об оставлении преемнику его высочества титула наместника, с предоставлением ему самому на месте и постепенно вводить в местном управлении те изменения, которые будут признаны возможными в видах удешевления его и объединения Кавказского края с остальной Россией». В результате, «окончательно пришли к заключению, чтобы несколько изменить редакцию составленной записки, предоставив вопрос о титуле непосредственному решению самого Государя»⁴⁵.

На этот раз решения совещания были оформлены как «Главные основания предположенных изменений в управлении Кавказа». В соответствии с ними упразднялось звание наместника, а управление краем поручалось главноначальствующему на Кавказе, который одновременно являлся бы главнокомандующим Кавказской армией. При этом оговаривалось, что «размер и пределы власти главноначальствующего, как по делам общего управления, так и по предметам ведения отдельных министерств, определяются особым положением, в основу коего имеет быть принято: а) прямое подчинение главноначальствующему губернских и областных начальников; б) предоставление ему по всем делам и мерам, до вверенного ему края касающимся, как общим, исходящим из непосредственных соображений министерств, так и частным, восходящим из соответственных

⁴³ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 1658, л. 2 об.—3.

⁴⁴ В сохранившихся отзывах отразились, в частности, их сомнения в том, насколько оправданно «с упразднением звания наместника создание особой должности начальника гражданского управления». Так, Старицкий полагал «более правильным и осторожным соответственно заменить звание наместника званием главноначальствующего, заменить и должность начальника главного управления наместника должностью директора канцелярии главноначальствующего, со средоточием в этой канцелярии дел нынешнего департамента главного управления, а равно и других второстепенных частей и управлений» (РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 321, л. 11—11 об.).

⁴⁵ Милютин Д.А. Дневник... С. 315.

областных, губернских и других учреждений в крае, такого участия в обсуждении и решении их, которое, истекая из самого значения этого лица, как главного представителя правительственной власти на Кавказе, ставило бы его в возможность, своевременно и с полным знанием всех местных обстоятельств, содействовать успешному выполнению правительственных мер и правильному и согласному с общими государственными интересами удовлетворению местных потребностей вверенного края». При главноначальствующем могли состоять отдельные лица и учреждения, права и обязанности которых предполагалось позднее определить в специальных положениях и штатах⁴⁶.

Однако гр. Лорис-Меликов, видимо, не случайно предлагал сохранить должность наместника. Александр III, похоже, колебался и готов был её сохранить, если бы удалось найти человека, подходящего для подобной роли по своему статусу в чиновной иерархии, административному опыту и личному авторитету. Свой выбор император остановил на Милютине, скорое удаление которого из Военного министерства в условиях нового царствования признавалось неизбежным. Ещё 17 апреля Дмитрий Алексеевич записал в дневнике: «Лорис-Меликов предупредил меня, что, по всем вероятностям, будет сделано мне предложение занять место наместника и главнокомандующего. Известие это заставляет меня призадуматься: должен ли я или нет отклонить эту чашу?»⁴⁷. Окончательное решение он принял после публикации манифеста 29 апреля 1881 г. и последовавших за ним отставок Лорис-Меликова и Абазы. Государственный секретарь Е.А. Перетц отметил в своём «дневнике» 5 мая: «Граф Д.А. Милютин в высшей степени недоволен совершившейся переменой. Он говорит, что не просит пока об отставке только потому, что он человек военный и не считает возможным публично протестовать против изданного манифеста. Он намерен просить об увольнении осенью»⁴⁸.

Между тем события развивались быстрее. 5 мая Милютин «поехал в Гатчину с твёрдым намерением заговорить с Государем об увольнении». «По окончании доклада Государю о текущих делах, — писал он в тот же день, — я завёл речь о предполагавшемся назначении графа Гейдена в Финляндию и ходатайствовал о назначении его вместе с тем членом Государственного совета. Разговор этот навёл Государя на те объяснения, которых давно уже я ожидал: мне предложено было место наместника и главнокомандующего на Кавказе. Согласно принятому мною решению, я положительно отклонил это назначение, сославшись на свои лета, утомление физическое и нравственное, и просил уволить меня от настоящей должности военного министра. Государь говорит, что затрудняется в выборе лица для замещения великого князя Михаила Николаевича на Кавказе, что в случае моего туда назначения предполагает сохранить за мной и звание наместника. Однако же я настоял на своей просьбе отпустить меня на отдых после 20-летнего управления министерством. Государь, выслушав меня, кротко и спокойно закончил разговор словами: “Дайте мне подумать и переговорить с Михаил Николаевичем”»⁴⁹.

Кандидатура Милютина вполне устраивала вел. кн. Михаила Николаевича, желавшего сохранить наместничество и всю систему управления Кавказом. 7 мая он даже попытался переубедить строптивого сановника. «Великий князь Михаил

⁴⁶ РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 321, л. 10.

⁴⁷ Милютин Д.А. Дневник... С. 310.

⁴⁸ Дневник Е.А. Перетца... С. 71.

⁴⁹ Милютин Д.А. Дневник... С. 325.

Николаевич, — отметил Милютин, — заехал ко мне, чтобы проститься перед отъездом на Кавказ, где он намерен пробыть около месяца. Узнав вчера от Государя о моём отказе принять должность наместника и главнокомандующего, он упрекнул меня и уговаривал принять предлагаемую должность, уверяя, что мне там вовсе не будет трудно справиться и что в тамошнем порядке управления всё может быть оставлено без изменений. Я не мог, конечно, ответить, что было бы недобросовестно с моей стороны оставить управление краем в настоящем его расстройстве (в которое оно пришло за время его там пребывания), оправдывал свой отказ утомлением, необходимостью отдыха... По словам великого князя, вопрос о замещении его отложен до возвращения его в Петербург»⁵⁰.

Вел. кн. Михаил Николаевич вернулся на Кавказ, где пробыл с 14 по 31 мая для завершения своих дел и подготовки к переезду в Петербург. Но за эти дни он успел обсудить со своими ближайшими сотрудниками — генералами кн. Меликовым, Старосельским и Павловым — намеченное упразднение наместничества⁵¹. 31 мая кн. Меликов сообщал великому князю: «Вашему императорскому высочеству благоугодно было удостоить меня, а равно начальника Главного управления и Окружного штаба, предложением высказать мнение наше по вопросу о предстоящем упразднении звания наместника кавказского. На совещании моём с генералами Старосельским и Павловым выяснилось, что взгляд наш по этому предмету, в общих чертах, совершенно тождествен... По настоящему положению дел на Кавказе, несмотря на достигнутые в развитии края успехи, нет основания считать предполагаемое уменьшение власти главного начальника края возможным без вреда как для продолжения успешного хода этого развития, так и для упрочения здесь общегосударственных интересов... Ныне, когда признаётся необходимым усиливать местную правительственную власть даже во многих внутренних провинциях государства, со сплошным русским населением, представляется весьма естественным другой вывод, что именно в настоящее время не следовало бы допускать ни малейшего ослабления местной власти в таком трудном для управления крае, как Кавказ, даже в том случае, если бы в интересах его собственного развития и устройства это признавалось своевременным. Ввиду этих соображений, я, по долгу чести и верноподданства, равно как и приобретённому мною знанию местных условий края, считаю моей обязанностью заявить... о том, что существующая на Кавказе власть главного начальника должна быть и с оставлением края Вашим императорским высочеством сохранена впредь до времени без изменения, со всеми прерогативами, в том числе и оставлением за главным начальником высокого звания императорского наместника»⁵².

Вернувшись в Петербург, вел. кн. Михаил Николаевич 11 июня доложил императору в Александрии о кавказских делах и мнении генералов, после чего составил краткую записку: «Его величеству угодно было решить, чтобы впредь до времени не изменять существующего внешнего управления Кавказом, с тем, чтобы и по отмене и введении должностей наместника и главноначальствующего генерал-лейтенант князь Меликов продолжал бы по-прежнему исправлять обе эти должности. При этом Государю угодно, чтобы с постепенным развитием гражданской жизни на Кавказе предоставить бы в ведение общих правительственных

⁵⁰ Милютин Д.А. Дневник... С. 326.

⁵¹ РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 321, л. 5.

⁵² Там же, л. 7–8 об. Это же «убеждение» практически дословно кн. Меликов повторил в письме, направленном великому князю 21 сентября (ГА РФ, ф. 649, оп. 1, д. 670, л. 11–12).

учреждений империи те стороны местного управления, в отношении которых это будет признано соответственным»⁵³.

Таким образом, великий князь добился от императора согласия не форсировать упразднение наместничества⁵⁴. 15 июля он получил, по его собственному выражению, «сюрприз» — подписанный накануне указ о назначении председателем Государственного совета⁵⁵. А 27 июля по всем правительственным местам Кавказа и Закавказья был разослан циркуляр, сообщавший об увольнении вел. кн. Михаила Николаевича от должности наместника кавказского⁵⁶.

Тем временем появлялись новые претенденты на должность главного начальника на Кавказе. 2 мая кн. В.П. Мещерский записал в своём дневнике: «Слухи подтверждаются и дополняются... По телеграфу вызван из Одессы генерал-губернатор кн. Дондуков. Его называют как кандидата на должность наместника кавказского». 23 мая в дневнике князя приводятся «новые слухи и толки о перемещениях», в частности, «о назначении графа Петра Шувалова на Кавказ»⁵⁷.

7 августа Милютина, проживавшего тогда в Крыму, посетил «совершенно неожиданно князь А.М. Дондуков-Корсаков, одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского округа». «Часа два он пробыл у нас, — записал в дневнике Дмитрий Алексеевич, — и, по своему обычаю, не умолкал во всё время. Более всего распространялся он о возможности нового назначения его на Кавказе. (Хотя, по словам его, назначение это и пугает его, однако ж нетрудно было подметить в нём, что слухи об этом перемещении льстят его самолюбию)»⁵⁸. В пользу кн. Дондукова-Корсакова говорило то, что он в молодости долго служил на Кавказе, имел солидный послужной список и с 1860-х гг. занимал различные административные посты.

При этом кн. Дондуков-Корсаков всячески старался обратить на себя внимание. Так, в июле 1881 г. он направил министру внутренних дел гр. Н.П. Игнатьеву записку о преобразовании губернской и уездной администрации, попросив «повергнуть... изложенные в записке предположения... на Высочайшее его императорского величества воззрение»⁵⁹. Кстати, бóльшую часть этого письма занимало перечисление должностей и заслуг князя на поле «широкой гражданской деятельности», после чего уже говорилось «о новой организации генерал-губернаторства, не в качестве лишь тормозящей дело инстанции, не в виде власти, созданной как бы для поддержания сепаративных стремлений отдельных местностей, а как высший постоянный орган правительственного надзора, нравственно ответственный за благосостояние и правильное развитие края, власть, на обязанности которой в то же время должно лежать постоянное стремление к объединению данной местности с общим государственным организмом России, что имеет особенное значение ввиду крайне разнообразных этнографических и экономических условий нашего отечества, столь обширного в территориальном отношении и столь разнородного по составу своего населения». Данный пассаж, получивший развитие в записке, явно был рассчитан на то, чтобы понравиться Александру III. Саму записку князь напечатал в типографии штаба Одесского

⁵³ РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 321, л. 4 об.—5, 12.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 649, оп. 1, д. 670, л. 11—12.

⁵⁵ Там же, д. 54, с. 66.

⁵⁶ РГИА, ф. 1268, оп. 25, д. 234, л. 1.

⁵⁷ Мещерский В.П. Дневник. 1881 год. СПб., 1881. С. 11—12, 122.

⁵⁸ Милютин Д.А. Дневник... С. 370.

⁵⁹ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 422, л. 6 об.—7; ОР РГБ, ф. 169, к. 45, д. 15.

военного округа в 20 экземплярах, из которых 15 передал гр. Игнатьеву для распространения среди «лиц компетентных и занимающихся этим вопросом»⁶⁰.

Однако у кн. Дондукова имелись соперники. Перетц отметил 25 сентября: «Великий князь рассказал мне, что беседовал с Государем о кандидатах на должность главноначальствующего на Кавказе (решено не иметь там наместника). Его высочество горячо рекомендовал бывшего своего помощника князя Святополк-Мирского, которого чрезвычайно любит и ценит. Государь, со своей стороны, решительно не согласился на это назначение, главным образом потому, что князь Мирский в родстве и свойстве со многими туземными фамилиями. Его величество сказал затем, что ему очень рекомендуют (по всей вероятности, Игнатьев и Островский) другого кандидата – Гурко. Против этого выбора восстал всеми силами великий князь, так как, по его мнению, Гурко жесток, а притом вовсе не администратор. Государь не высказался окончательно, но потом, в дальнейшем разговоре, произнёс ещё третье имя – князя Дундукова-Корсакова, который долго служил на Кавказе. Великий князь, хотя считает Дундукова за пустого человека, не решился, однако, возражать, потому что, кроме Мирского, не мог предложить никакого другого кандидата, и считает Дондукова всё-таки лучше, чем Гурко»⁶¹.

В течение двух месяцев Александр III держал паузу. Наконец, 20 ноября министр внутренних дел передал председателю Комитета министров М.Х. Рейтерну повеление императора обсудить порядок упразднения наместничества на Кавказе. «Причём генерал-адъютант граф Игнатьев сообщил мне, – докладывал Рейтерн 21 ноября, – что Ваше величество соизволили предначертать следующие мероприятия: 1) Должность наместника кавказского упразднить и учредить должность главноначальствующего гражданской частью и командующего войсками, с предоставлением лицу, которое будет назначено на эти должности, всех прав генерал-губернатора. 2) Кавказский комитет упразднить. 3) Сношения с министерствами установить на тех же основаниях, какие ныне существуют в губерниях, подчинённых генерал-губернаторам». В своевременности и оправданности этих мер гр. Игнатьев не сомневался, поскольку «ныне не представляется более поводов к сохранению тех отличий в устройстве местных управлений Кавказа, которые вызывались несуществующими уже исключительными условиями, и... цель предстоящих преобразований состоит главным образом в достижении сокращения расходов, в упрощении управления и в его объединении с существующим строем остальной части России». Со своей стороны, председатель Комитета министров предложил предварительно запросить у министров их соображения, касающиеся «оснований будущего устройства местных управлений Кавказа», а затем рассмотреть их в Комитете министров в срок, назначенный императором. 22 ноября Александр III оставил на докладе резолюцию: «Согласен на все эти соображения. Полагаю, назначить срок 1-го января»⁶².

25 ноября Александр III принял в Гатчине вызванного из Одессы кн. Дондукова-Корсакова, изложившего подробности аудиенции в особой записке. «25-го ноября я представлялся в Гатчине Государю, – говорилось в ней. – Его величество объявил мне, что назначает меня главноначальствующим на Кавказе; выразив свою готовность служить везде, где могу принести посильную пользу делу,

⁶⁰ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 422, л. 7–8 об.

⁶¹ Дневник Е.А. Перетца... С. 100. С уточнением по рукописи: ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118.

⁶² РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 321, л. 12–12 об. 24 ноября Рейтерн получил соответствующее повеление уже как председатель Кавказского комитета (Там же, ф. 1268, оп. 25, д. 293, л. 1–2).

я просил у Государя разрешения высказать мой взгляд по поводу ожидающего меня назначения... “Я слышал, Государь, что Вам угодно было поручить всем министрам к 1 января представить свои соображения в Комитет министров для совместного обсуждения. Мне неизвестны как взгляды министров, так и конечная цель, и желания Ваши относительно будущего управления Кавказом, но полагаю, что не ошибусь, если выражу их в следующих чертах: 1) упрощение настоящей сложной административной системы управления Кавказом; 2) возможное слияние управления Кавказом с общими учреждениями империи; 3) значительное, вследствие этих мер, сокращение расходов по Кавказу, обременяющих в настоящее время государственный бюджет”. Государь, прервав меня, сказал: “Это совершенно верно”. Я продолжал: “...первым условием считаю полное ко мне доверие, как к лицу административному...” Государь сказал: “На это Вы можете вполне надеяться”. Я продолжал: “когда все соображения министров будут обсуждены, то я попросил бы, по рассмотрении их Вашим величеством, передать оные мне к руководству, не стесняя меня какими бы то ни было инструкциями к немедленному исполнению или подробностями и указаниями на средства к достижению предначертанных целей”. Государь возразил: “Т.е. Вы желаете иметь только программу”. Я ответил: “Совершенно верно”⁶³.

Кроме того, князь просил «10 месяцев или год, со времени прибытия моего на Кавказ, для ознакомления с новыми условиями и положением края». «Предполагая объездить в течение весны и лета, что будет только возможно, из различных местностей Кавказа с целью изучения средств применения в крае предугазанной мне программы, — пояснял свои намерения кн. Дондуков, — я затем буду испрашивать разрешения к концу года приехать в Петербург и представить Государю моё заключение о том, что возможно, необходимо и полезно применить к краю немедленно, указав при том способы и средства к исполнению; затем высказать свой взгляд о тех преобразованиях, введение которых считал бы ещё рановременным в крае; и наконец, о тех мероприятиях, от которых, по убеждению моему, считал бы полезным совсем отказаться». По словам князя, «Государь, выслушав меня с большим вниманием, сказал, не давая решительного ответа: “Мне кажется, что всё, что Вы говорили, практично и логично; мы здесь у меня в своё время обсудим всё сказанное Вами”»⁶⁴. На время его ознакомления с краем князь просил сохранить за ним все полномочия наместника, а также не изменять смету Закавказского края.

1 января 1882 г. император подписал указ о назначении кн. А.М. Дондукова-Корсакова главноначальствующим гражданской частью на Кавказе⁶⁵. Однако, поскольку об условиях, выдвинутых им 25 ноября 1881 г., нигде не упоминалось, князю пришлось 9 января составить для председателя Комитета министров Рейтерна развёрнутую записку о мерах, которые могли бы способствовать «скорейшему по возможности осуществлению высочайших предначертаний по преобразованию Кавказского управления»⁶⁶.

Дондуков настаивал на разделении своей деятельности на два этапа. «Первый из них, — полагал он, — будет посвящён мною как ознакомлению со страной, так и составлению соображений об осуществлении, применительно к местным

⁶³ Там же, ф. 932, оп. 1, д. 392, л. 1–2 об.

⁶⁴ Там же, л. 2 об.—3.

⁶⁵ Там же, д. 323, л. 10.

⁶⁶ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 4229, л. 455 об.—456.

условиям, тех начал, которые должны лечь в основание будущего управления краем, согласно тем предположениям министерств, кои удостоится Высочайшего одобрения». Тут же князь напоминал, что «признавал бы весьма полезным временное в течение этого подготовительного периода пользование теми закономерными полномочиями и средствами к практическому ознакомлению с условиями местного управления и функциями административного механизма, которые представляют главному начальнику края существующие до ныне по управлению Кавказом узаконения..., определяющие как пределы его власти, так и предмет владения, действующих на основании сих узаконений учреждений». Тем самым он, по сути, выпрашивал себе права наместника, не исключая при этом, что переходный период может затянуться более чем на один год. «Такой временный переходный порядок представляется даже едва ли устраиваемым, — утверждал он, — так как слияние почти всех отраслей местного управления с общими учреждениями империи может произойти лишь постепенно, и лишь в той же постепенности будет изменяться как компетенция учреждений, так и характер власти главного начальника края». И только «с осуществлением всех предудказанных Высочайшей волей мероприятий произойдет возможно полное объединение края с империей» и «тогда административная деятельность главноначальствующего вступит в свой второй нормальный период, характер коего будет обуславливаться уже новыми, окончательно выработанными по сему предмету законоположениями, приближающими положение и права главноначальствующего к правам генерал-губернатора»⁶⁷.

Вместе с тем кн. Дондуков-Корсаков, как и вел. кн. Михаил Николаевич в 1880 г., требовал в том или ином виде сохранить особый порядок ведения кавказских дел в центральных и высших учреждениях. «Но я не могу умолчать при этом случае, — писал главноначальствующий, — о некоторых опасениях, которые вызывает во мне предстоящее, может быть в непродолжительном времени, упразднение Кавказского комитета. Представляя собой высшее и единственное государственное учреждение по делам Кавказа, комитет в лице своего председателя сообразно своему назначению всегда ставил себе задачей возможно быстрое и успешное разрешение вопросов, подлежащих его рассмотрению, и потому отсутствие такого специального органа, в котором притом сосредотачивались все исторические и законодательные материалы по управлению Кавказом, при естественной недостаточности подготовки министерств к обсуждению многих, имеющих восходить к ним вопросов местного характера, неизбежно отразится чувствительными промедлениями в ходе преобразовательной деятельности, продлив переходное положение дел в таких случаях, когда в этом не встретится никакой необходимости или пользы». Поэтому князь считал необходимым, «чтобы все представления мои в течение указанного переходного периода, преимущественно же касающиеся вопросов о предстоящих в управлении краем преобразованиях» были направляемы на имя председателя Комитета министров, «чем вполне обеспечивалось бы им правильное и безостановочное движение»⁶⁸.

Обсуждение предложений кн. Дондукова-Корсакова, а также поступивших из министерств отзывов о предстоящей административной реформе на Кавказе, состоялось на заседаниях Комитета министров 19 и 26 января 1882 г. На них

⁶⁷ Там же, л. 456—457 об.

⁶⁸ Там же, л. 458—459 об.

решили «допустить известный переходный период времени», в течение которого главноначальствующий гражданской частью «имел бы возможность лично ознакомиться с условиями местного управления и одновременно с тем могли бы быть выработаны окончательные формы будущего преобразования края». Для их разработки следовало образовать в Тифлисе комиссию из представителей кавказской администрации и чиновников, командированных теми ведомствами, «которые имеют наиболее сложные задачи при переустройстве края». При этом «руководительным указанием тех общих начал, соответственно которым представляется желательным устройство отдельных частей местного управления», должны были служить присланные из министерств рекомендации⁶⁹.

Одновременно Комитет министров жёстко ограничил срок переходного периода, в течение которого на Кавказе продолжали действовать прежние «законоположения»: 15 сентября 1882 г. главноначальствующий должен был представить свои соображения об устройстве Кавказского управления вместе с штатами и проектом сметы — до конца года их следовало рассмотреть в Государственном совете⁷⁰.

Острую дискуссию в Комитете министров вызвало стремление кн. Дондукова сохранить на переходное время некоторые права наместника. По словам князя, «после продолжительных прений вопрос этот остался открытым, причём не определено, какая часть полномочий наместника может быть оставлена на переходный период, а ежели полномочия главноначальствующего должны быть сравнены с правами генерал-губернатора, то каких именно — постоянных ли, временных ли, Варшавского ли, или же сибирских генерал-губернаторов, пределы власти которых между собой существенно разнятся, наконец, не подверглось обсуждению, каким порядком — законодательным ли, или особым Высочайшим повелением установятся полномочия главноначальствующего Кавказом на время переходного периода. Между тем решение этих вопросов очевидно является неизбежным ещё до прибытия главноначальствующего в пределы Кавказского края»⁷¹.

Почти все участники заседания решительно возражали против намерения кн. Дондукова-Корсакова установить особый порядок сношений главноначальствующего с отдельными ведомствами через Комитет министров «в видах ускорения производства дел по осуществлению предположенной реформы». «Комитет усматривает, — констатировалось в журнале, — что как в видах возможно безостановочного движения дел, так равно в интересах доставления самим министрам возможности постепенного ознакомления с докладами Кавказского управления представлялось бы, напротив, совершенно целесообразным, чтобы главноначальствующий сносился с министрами без всякого посредничества. К такому убеждению Комитет приходит ещё по той причине, что Вашему императорскому величеству уже благоугодно было преуказать вопрос об упразднении Кавказского комитета»⁷².

29 января Александр III оставил на журнале резолюцию: «Исполнить. Что же касается исключительных прав главноначальствующего, исполнить по моим

⁶⁹ Там же, д. 4228, л. 395—395 об., 405 об.—406.

⁷⁰ Там же, л. 400—400 об., 405—405 об.

⁷¹ В журнале Комитета министров о ней не упоминалось, но она отражена в специальной записке о заседании 19 января, составленной кн. Дондуковым-Корсаковым (РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 328, л. 1 об.—2).

⁷² Там же, л. 402—403 об.

отметкам в прилагаемой при сём записке». В итоге из составленного в Комитете министров перечня особых прав наместника, которых не имели генерал-губернаторы, он согласился оставить за главноначальствующим на переходный период только полномочия объявлять в крае помимо общего порядка все повеления и распоряжения верховной власти, отменять постановления губернских присутственных мест, определять время введения в местностях, населённых горцами, мировых судебных учреждений, назначать собственной властью пенсии и единовременные пособия, а также представлять непосредственно императору, но «только по самым важным делам и то временно», проекты новых узаконений. Остальные права — особый порядок сношения с центральными и высшими государственными учреждениями, непосредственное руководство местными органами министерств, назначение на территории края всех чиновников до V класса включительно, разрешение земельных отводов и отчуждений — «подлежали отмене». Тем самым главноначальствующий на Кавказе практически полностью уравнивался с другими генерал-губернаторами⁷³.

В тот же день Александр III подписал в Гатчине указ об упразднении Кавказского комитета в связи с «возложением главного управления по Кавказскому и Закавказскому краю на особое лицо, облечённое званием главноначальствующего гражданской частью и командующего войсками»⁷⁴.

Таким образом, недовольство незначительными результатами пятнадцатилетней политики на Кавказе, выразившееся на рубеже 1870—1880-х гг. и в Петербурге, и в Тифлисе, вместе со стремлением преодолеть обособленность края и сократить расходы на управление им постепенно привели правящие круги империи к мысли о том, что изменить ситуацию удастся лишь в случае существенного сокращения полномочий местных властей и усиления контроля со стороны центральных ведомств. Когда весной 1881 г. вел. кн. Михаила Николаевича отозвали в столицу, практически сразу возникло предположение об упразднении наместничества, окончательно возобладавшее после того, как гр. Д.А. Милютин отказался занять пост наместника. Характерно, что против данной меры изначально высказывались все высокопоставленные государственные и военные деятели, близко знакомые со спецификой края (вел. кн. Михаил Николаевич, гр. М.Т. Лорис-Меликов, Д.С. Старосельский, П.П. Павлов, кн. А.М. Дондуков-Корсаков и др.). Однако Александр III, несмотря на определённые колебания, попросту не видел достаточно влиятельных и авторитетных фигур, способных претендовать на статус наместника. Кн. Дондуков-Корсаков пытался придать намеченной реформе более плавный и неспешный характер, но, по-видимому, слишком сильно хотел занять предложенный ему пост и потому не смог успешно противостоять консолидированной позиции членов Комитета министров и недоверчивой осторожности императора, вынужденного согласиться на его назначение главноначальствующим лишь вследствие отсутствия более подходящих кандидатов. В итоге было принято решение, негативные последствия которого пришлось устранять уже в начале XX в.

---

⁷³ Там же, л. 411, 419—421 об.

⁷⁴ Там же, л. 411 об. См. также: ПСЗ-III. Т. 2. СПб., 1889. № 637.